

II. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИИ

2.1. Психологическое значение художественного слова

«Наука и искусство – это как бы два глаза человеческой культуры. Обладая одним глазом, человечество бы обладало, как и одноглазый человек, неким плоским и однолинейным знанием: именно “разнооснованность” искусства и науки и создает объемность нашего знания»⁴⁹. В словах Ю. М. Лотмана, которые предпосланы к изложению этой очень ценной для автора проблемы «очеловечивания» любимой науки, заключено обеспечение личностной вовлеченности при изучении нашей психологии.

Методологический фундамент литературно-художественного представления, моделирования психологической реальности заключается в единстве, общности предмета исследования писателя и психолога: и тот, и другой погружаются в глубины человеческой души. Да и средства, методы у них схожие. «Между наукой и художественной литературой, – писал М. Горький, – есть много общего: и там, и тут основную роль играют наблюдение, сравнение, изучение; художнику, так же как и ученому, необходимо обладать воображением и догадкой»⁵⁰.

Впечатляющие доводы в пользу литературно-художественного моделирования находим у специалистов-психологов. Выдающийся психотерапевт Ирвин Ялом пишет: «**Великие** (подчеркнуто мною. – Я. К.) художественные произведения рассказывают нам о нас самих, ибо они сногшибательно честны, не менее честны, чем любые клинические данные»⁵¹. (Я подчеркнул в высказывании И. Ялома определение качества художественного произведения: оно нам понадобится, когда мы будем обсуждать вопрос о том, какие произведения литературы следует выбирать для литературно-художественного моделирования.)

В. М. Розин пишет: «...современные писатели, сами того не замечая, невольно стали стихийными социологами и психологами их произведе-

ния по сути скрупулезные анализы взаимоотношений условий жизни, непонятных установок, психики и тому подобных феноменов»⁵² (согласимся с автором, ради справедливости заметим: отнюдь не только, а порой и не столько «современные»).

Далее В. М. Розин совершенно справедливо отмечает: «...литература не только “рассказывает” о жизни, но и сама является особой самостоятельной жизнью, она погружает человека в миры, эстетизированные и организованные по законам искусства и языка, в реальности, где человек страдает и наслаждается, думает и созерцает но всегда живет полностью, полнокровно»⁵³; и здесь же автор говорит о том, что отличает науку от искусства: «Наука расчленяет, разбирает, упрощает живое бытие жизни, она сильна прежде всего анализом, синтез удается реже»⁵⁴.

Мой добрый друг, увы, ушедший из жизни, Борис Игнатьевич Додонов, в книге «Эмоция как ценность» для доказательства того, что грусть может выступать для личности как определенная ценность, пишет: «Из художественной литературы психолог может извлечь, однако, не одни только отвлеченно сформированные результаты наблюдений писателей над особенностями функционирования чувств. В лирических высказываниях поэтов, а также в автобиографических текстах разнообразных авторов содержится и непосредственный “живой” материал, подкрепляющий и расширяющий такие наблюдения»⁵⁵. Автор приводит строки из Лермонтова: «Мне грустно, потому что я тебя люблю», «Я жить хочу! Хочу печали...» А вот из Ф. И. Тютчева:

«О, Господи, дай жгучего страдания

И мертвенность души моей рассей...»

И вывод: «Следовательно, обращаясь к художественной литературе, мы оперируем материалом не менее достоверным, чем, скажем, данные самого строгого эксперимента»⁵⁶.

С Борисом Игнатьевичем мы периодически встречались в Москве на различных конференциях, а когда мы с женой отдыхали в Крыму, он приезжал к нам из Симферополя. «Бескорыстная дружба мужская!» А когда наступили его последние дни, он распорядился, чтобы жена передала его незавершенную книгу мне. Я, конечно, исполнил его волю,

⁵² Розин В. М. Психология и культурное развитие человека. М., 1994. С. 56.

⁵³ Там же. С. 57.

⁵⁴ Там же. С. 57.

⁵⁵ Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 1978. С. 51.

⁵⁶ Там же. С. 53.

⁴⁹ Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2001. С. 522.

⁵⁰ Горький М. Собрание соч.: в 30 т. Т. 24. М., 1953. С. 467.

⁵¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 1999. С. 27.

и его книга «В мире эмоций» вышла в Киеве в Издательстве полит. литературы Украины в 1987 году. Я в ней значусь как научный редактор.

В этой книге автор вновь обращается к обсуждаемой нами проблеме. «Роль художественных переживаний для современного человека очень велика. Обычно при разработке художественных произведений много говорят о том, какие новые стороны действительности сумел раскрыть автор, какие новые типы он вывел. Это обогащающая наши знания о мире функция искусства усиленно подчеркивается прежде всего при изучении литературы в школе. Но, к сожалению, почти ничего не говорится о другой его функции – функции обогащения эмоционального опыта личности... Искусство способно обогащать человека не только новыми знаниями о мире, но и новым «вчувствованием» в него (слово, принципиально не переводимое нами на обычный язык). «Мысль изреченная есть ложь, – это сказано не для красного словца»⁵⁷. Итак, именно литературно-художественное моделирование нашей душевной жизни позволяет преподавателю психологии предвидеть то, о чем с болью писал Г. Г. Шпет: «Живое, яркое, блестящие красками и непрерывными переменными содержание душевной жизни начинает представляться как последовательно расположенный ряд тусклых, резко только очерченных китайских тканей. За абстрактными схемами нашей психологии не видать жизни нашей души»⁵⁸.

Можно предположить, что литературно-художественное моделирование, включение в процессе преподавания художественных текстов и, как мы дальше увидим, произведений народного творчества позволяет решить ряд важных задач.

Каких именно? Конечно, когда речь идет о художественных текстах, опять-таки, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», тем не менее кое-какие эффекты можно иметь в виду и зафиксировать. Начнем, пожалуй, с раскрытия сущности и иллюстрации психологических явлений, которые иначе так и останутся для учеников пустым звуком. Как донести до их чувств и разума такие явления, как вдохновение, интуиция, чувства, эмоции и т. д. без точных и вдохновенных поэтических строк А. С. Пушкина?

Особое значение мы придаем эстетическому переживанию в процессе восприятия первоклассных художественных текстов, которые ярко высвечивают психологические явления, сформулированные в учебниках

⁵⁷ Додонов Б. И. В мире эмоций. Киев. 1987. С. 45.

⁵⁸ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб., 1996. С. 32.

как законы и научные понятия. Это особенно существенно в наше компьютеризированное время. Отсюда такая первостепенная функция литературно-художественного моделирования явлений душевной жизни, как формирование, воспитание психологической культуры личности, духовной культуры человека. Ну и конечно, художественные тексты способствуют закреплению в памяти, а лучше, усвоению, присвоению того, о чем говорит преподаватель, учитель психологии, того, что сухо и непонятно написано в учебниках психологии.

Дальше мы перейдем к изложению конкретного опыта, нашего собственного, более чем полувекового опыта литературно-художественного моделирования в процессе преподавания. Хочется надеяться, что эти как бы мемуарно-методические заметки окажутся полезными и интересными моим молодым коллегам-преподавателям психологии в школе и вузе.

При этом я буду опираться не только на опыт непосредственного преподавания основных курсов психологии – общей психологии, детской психологии, социальной психологии, методики преподавания психологии и т. д., но и на результаты анализа, самонаблюдения над моими научно-популярными, научно-художественными произведениями⁵⁹.

Коль скоро речь зашла о книгах, порекомендую некоторые книги для использования читателям в целях литературно-художественного моделирования. Это особенно полезные при разработке лекций по детской и возрастной психологии сборники: «Природа ребенка в зеркале автобиографии»: учеб. пособие по педагогической антропологии. М.: изд-во УРАО, 1998 г.; «Психология детства в художественной литературе XIX–XX веков». М.: Academia, 2001. Конечно, книга В. П. Зинченко «Возможна ли поэтическая антропология?». М., 1994. Эта книга вся пропитана первоклассной поэзией. Недаром на подаренном мне экземпляре написано: «Качество стихов гарантирую! Проза – факультативна». Так и хочется, во-первых, убрать знак вопроса из названия, во-вторых, написать книгу «Поэтическая психология». Думается, что я не ошибусь, если порекомендую все книги этого замечательного психолога.

Существенную пользу принесет читателю книга А. Б. Есина «Психологизм русской классической литературы»: книга для учителя. М.: Просвещение, 1988 г. Автор справедливо отмечает, что «Одна из глав-

⁵⁹ См. Коломинский Я. Л.: Человек среди людей. М., 1970 (первое издание); Беседы о гайнах психики. М., 1976 (первое издание); Человек: психология: книга для уч-ся старш. кл. М., 1980 (первое издание); Основы психологии: учебник для уч-ся старш. кл. и студ. М., 2010.

ных притягательных черт художественной литературы – ее способность раскрыть тайны внутреннего мира человека, выразить душевные движения так точно и ярко, как не сделать человеку в повседневной, обычной жизни»⁶⁰. И, добавим мы, «как это не сделать» преподавателю психологии, если он ограничится пересказом законов и понятий из наших учебников. Порекомендуем интересную книгу В. М. Аллахвердова «Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений». СПб.: ДНК, 2001 г. «...художественный текст, – пишет автор, – стимулирует работу сознания над противоречиями и порождает нахождение таких решений (смыслов), которые одновременно с осознаваемыми загадками решают и неосознаваемые... общение с художественными текстами обучает читателя (зрителя) (студента! ученика – добавим мы. – Я. К.) осознанно преодолевать противоречия и тем самым развивать интеллектуальные способности (а не в этой ли чуть ли не главная задача преподавателя психологии? – Я. К.). А самое главное – учит смотреть на мир с разных точек зрения! Отсюда и вытекает главное предназначение искусства в контексте культуры: оно учит творческому восприятию мира...»⁶¹.

Преподаватель (учитель) психологии может выбрать из довольно обширного литературного материала именно те стихи, прозу, произведения фольклора, которые с наибольшей полнотой соответствуют решению поставленной методической задачи.

Существенным подспорьем может быть серия «Психология народной мудрости», изданная в Мозыре (составители Т. Н. Бендега, М. А. Дыгун, С. Н. Жеребцов и др.). Это книги «Психология в сказках», «Психология в цитатах и афоризмах», «Психология в притчах», «Психология в юморе», «Психология в стихах и прозе».

Настоящий полезный подарок поклонникам поэзии и прекрасной прозы в психологии – книга моей давней коллеги Л. Н. Рожкиной «Методика преподавания психологии» (Минск, 1999); и совсем уже в тему ее же работа «Использование литературных произведений в курсе общей психологии» (Минск, 1984).

Было бы очень интересно и поучительно провести специальное исследование на тему «Использование художественной литературы пси-

⁶⁰ Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: книга для учителя. М., 1988. С. 3.

⁶¹ Аллахвердов В. М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоц. воздействия художеств. произведений. СПб., 2001. С. 84–85.

хологами». На первое место среди наших психологов вошел бы, конечно, Владимир Петрович Зинченко. Книга под его редакцией «Методология психологии: проблемы и перспективы» написана замечательным коллективом: Ф. Е. Василюк, В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков, В. А. Петровский, Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина. Авторы глав не обозначены, но по насыщенности первоклассной поэзией легко догадаться... А классики минувших дней?! Это, конечно, Фрейд, Юнг, и наш Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, Б. М. Теплов и многие, многие другие.

Что приводит психолога к литературно-художественному моделированию? Это, конечно, любовь. Любовь к своей замечательной науке и любовь к литературе, и, конечно, любовь к ученикам. К сожалению, авторы учебников почти не используют художественные тексты даже в главах, где они, как говорится, «просятся». Это очень странно и даже прискорбно.

Перейдем к нашей непосредственно теме. Какие произведения следует привлекать для литературно-художественного моделирования? Прежде всего, это, конечно, фольклор. Был прекрасный поэт современник А. С. Пушкина Евгений Баратынский (его стихи мы уже приводили):

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? Точный смысл народной поговорки.

Пословицы, поговорки – сокровища народной мудрости – результат многовекового общения людей, формулы житейской психологической культуры. (Думается, что библейские заповеди тоже могут так же квалифицироваться. Но это другая проблема...) Прекрасное доказательство универсальности этих постулатов психологической культуры – их существование, функционирование в языках народов. У нас в Минске издан под редакцией профессора Н. А. Гончаровой сборник «Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў» (по-русски: «Шестязычный словарь пословиц, поговорок и крылатых слов»).

Словарь содержит около 550 пословиц, поговорок и крылатых слов на латыни, русском, белорусском, английском, французском, немецком языках. Преподаватель психологии может очень плодотворно и успешно использовать пословицы и поговорки в самых различных темах фактически по всем психологическим дисциплинам. На занятиях по методике преподавания психологии в ходе обсуждения соотношения концептуально-теоретической и житейской психологической культуры я даю интерактивные задания: прошу вспомнить как можно больше пословиц и поговорок (можно объявить соревнование по рядам) и раскрыть их психологический смысл. В связи с этим вспоминается такой эпизод. Когда-то, в те прекрасные времена, когда тестомания не охватила наши вузы, мы, прежде чем сделать заключение о том, может ли абитуриент, желающий поступить на наш психологический факультет, успешно выучиться «на психолога», проводили профориентационное собеседование (сегодня опасность заключается, помимо прочего, еще и в том, что студентом – будущим учителем – может стать молодой человек, который и двух слов связать не может). Мы выясняли, нет ли нежелательных для будущего психолога акцентуаций характера и среди прочего использовали тест юмористических фраз (ТЮФ). У одной девушки мы спросили: «Что значит выражение: “Не все то золото, что блестит”»? «Конечно не все, уверенно ответила она. – Например, слюда блестит, стекло блестит».

Я иногда прошу студентов прокомментировать этот случай и, конечно, всегда получаю разумный ответ.

Очень уместно вокруг некоторых крылатых выражений затеять дискуссию. Например: «Все ли согласны с таким утверждение Ювенала: *Men sana in corpore sano* (В здоровом теле – здоровый дух)?» Оказывается, современное толкование этого выражения противоположно смыслу, заложенному автором, который имел в виду: «Нужно молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом»⁶².

Крылатые выражения, афоризмы, пословицы и поговорки дают преподавателю психологии прекрасный повод и средство для интенсивного творческого общения со студентами, учениками, для изменения их внутренней позиции в ситуации сотворчества. К примеру преподаватель высказывает тезис о том, что народ мудр и житейская психологическая культура лишена догматизма, что она диалектична. Возьмем, например,

⁶² Гончарова Н. А., Антошок М. Г. Латиноязычные изречения для повседневного пользования : латинско-русско-белорусский словарь. Минск, 2010. – 146 с.

классическую, излюбленную и педагогами и психологами триаду: «наследственность, среда и воспитание».

Вспомните, пожалуйста, пословицы и поговорки, которые обнаруживают определенную позицию.

Чаще всего слушатели вспоминают утверждения, характеризующие определяющую роль наследственности: «Яблочко от яблони недалеко падает», «З лысінкай цяля нарадзілася, з лысінкай памрэ», «Сова не роит сокола», «Из одной печи разные калачи» и т. п. А вот суждение о роли среды в воспитании: «С кем поведешься, от того и наберешься».

Есть смысл порой использовать афоризмы и крылатые выражения своеобразной полуюмористической провокации, в основе которой ирреверсия Ф. де Ларошфуко: «Все жалуются на недостаточность своей памяти, но никто еще не пожаловался на нехватку здравого смысла»⁶³. Преподаватель просит поднять руку тех, кто недоволен своей памятью. (Обычно – лес рук. Дальше следует: «А кто недоволен своим умом?») (Обычно таких почти нет. И уж совсем никто не признается, если спросить: «Кто недоволен своей совестью?»)

На основе этого опыта полезно порассуждать вместе со слушателями о причинах выявленных результатов. Здесь можно сделать вывод о том, что различные психические способности человека по-разному включаются в личностную самооценку. Познавательные процессы как бы встроены в психику человека, и за их функционирование личностное «Я» как бы «не отвечает». Они не входят в Я-концепцию.

А. Н. Леонтьев пишет: «Когда в повседневной жизни (житейская психологическая культура. – Я. К.) мы даем характеристику личности человека, то мы без особых колебаний включаем в нее такие черты, как, например, силу воли (“сильная личность”, “слабохарактерный человек”), отношение к людям (“доброжелательный”, “равнодушный”) и т. п., но обычно не относим к числу личностных такие особенности, как, например, разрез глаз или умения считать на счетах (в нашем случае – это особенности памяти. – Я. К.) ... Дело в том, что одни и те же особенности человека могут стоять в разном отношении к его личности. В одном случае они выступают как безразличные, в другом – те же особенности существенно входят в ее характеристику»⁶⁴.

В качестве определенного средства литературного художественного моделирования может служить анекдот как продукт, но, по выражению

⁶³ Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: мысль в слове. М., 1999. С. 194.

⁶⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 165.

В. А. Сони́на, психолого-фольклорного и социально-культурологического творчества масс. При этом автор отмечает отличия анекдота от рассмотренных нами афоризмов, крылатых выражений, пословиц и поговорок. Здесь основное – «логика чувства и образа, аллегории, что воспринимаются сразу легко и обязательно с улыбкой, общим смехом, различными последующими комментариями, порождением нового анекдота по ассоциации сходства, смежности, контраста... Принятие той или иной забавной, порой неправдоподобной истории сближает людей, раскрывает их потенциальные возможности ума, порождает симпатию и доверие»⁶⁵. Вместе с тем, как предупреждает автор, «анекдот может стать и поводом размежевания, их разъединения. И причиной этому будут служить личные качества, политические взгляды, моральные и нравственные суждения о человеческих ценностях, конфессиональная агрессия, жизненный опыт, страх и опасность за подрыв собственного “Я”, чиновничьи амбиции»⁶⁶.

Может ли преподаватель психологии использовать анекдот как средство литературно-художественного моделирования в процессе лекционного или практического занятия? Здесь есть ряд условий. Во-первых, это характер взаимоотношений в системе «преподаватель-студент», который сложился в данной аудитории: взаимная симпатия, доверие, чувство юмора. Совершенно необходимо, чтобы сам анекдот не только был первоклассным, но и совершенно естественно вписывался в тему занятия.

Еще одно очень важное условие: «Умение рассказать анекдот – особый дар человека (преподавателя. – Я. К.). Здесь, как говорили древние римляне, необходимо соблюдать три М: Мериу, Место, Момент» (там же). Дальше в этой книге В. А. Сони́н приводит множество анекдотов. Есть здесь и «анекдот» от Я. Коломинского, «известного психолога СССР, одного из организаторов психологической науки Белоруссии, академика, профессора, доктора наук»⁶⁷. Честно говоря, я не помню, чтобы среди множества анекдотов, которыми мы обменивались при наших коротких встречах, был и этот. Но автору виднее. Я убедился, как восприятие определенного шутливо-анекдотического выражения может служить своеобразным тестом на чувство юмора.

⁶⁵ Сони́н В. А. Психология последнего анекдота, или В здоровом теле здоровый дух. СПб., 2010. С. 37.

⁶⁶ Сони́н В. А. Личность. Поведение. Смысл бытия. СПб., 2006. С. 135.

⁶⁷ Сони́н В. А. Психология последнего анекдота, или В здоровом теле здоровый дух. СПб., 2010. С. 227.

И как-то одной весьма красивой и образованной блондинке сказал: «Если к тебе кто-то будет обращаться, можешь ответить: “Говорите громче, я – блондинка...”». Она неожиданно обиделась: «Так что, я – дура!» – Воистину, «нам не дано предугадать...».

Перейдем к, может быть, основной части нашего исследования литературно-художественного моделирования – к художественной литературе.

Начать я хочу с книги выдающегося историка, академика М. В. Нечкиной⁶⁸. Эта книга оказалась удивительно созвучной моему пониманию функции художественного образа в процессе преподавания психологии. Хорошо бы написать книгу под таким названием.

«Образ, – пишет М. В. Нечкина, – воздействует на читателя. Чем? Только тем, что в нем заключено! Он воздействует “волшебными” признаками явления и “руслем” писательского обобщения, выраженное прямым образом или подразумеваемого. Вся “остальная” писательская работа происходит уже в читателе. Она совершается им самим. Писатель стоит вне его, но стоит у “пульта управления”... Лежало что-то в подвалах души, в кладовых сердца и не шевелилось, не работало. А тут волею писателя восстало из мертвых, воскресло, соотнеслось одно с другим, заиграло, стало активным, нашло свое место в вашем объяснении жизни, захватило вас. Вы и не подозревали, что в вас такое сокровище»⁶⁹.

Трудно удержаться, так хочется цитировать мудрые мысли этой замечательной женщины. Поэтому мы, психологи, часто (кроме В. Зинченко!) проходим мимо сокровищницы психологической мудрости, содержащихся в художественной литературе: не знаем литературы, считаем, что поэзия и наука «две вещи несовместимые»?

Еще несколько кратких афористичных высказываний, которые М. В. Нечкина специально выделила в своем тексте: «Работа образа в душе читателя (а мы добавим: ученика, студента. – Я. К.) невероятно расширяет человеческий опыт»⁷⁰; «участие читателя (психологической литературы, ученика, студента. – Я. К.) в творческом процессе»⁷¹; «художественный образ позволяет прожить множество жизней за одну

⁶⁸ Нечкина М. В. Функции художественного образа в историческом процессе. М., 1982.

⁶⁹ Там же. С. 14–15.

⁷⁰ Там же. С. 14.

⁷¹ Там же. С. 24.

жизнь»⁷²; «художественное мышление писателя и восприятие действительности читателем: единство законов»⁷³.

Перейдем далее к описанию опыта использования художественных текстов – поэтических и прозаических в нашей преподавательской и литературно-просветительской работе. Возможно, это опыт своеобразной профессиональной рефлексии. Прошу не ожидать систематизированного изложения литературно-художественного моделирования в процессе изложения материала по общей, возрастной, социальной и т. д. психологии, а также курса методики преподавания психологии. Это будет скорее фрагментальный рассказ о нашем опыте, которым, надеюсь, смогут воспользоваться читатели.

Первый вопрос, который возникает перед преподавателем, это какую именно литературу, какие тексты использовать в своих лекциях и книгах (если, конечно, он занимается литературной деятельностью). Главный критерий: это должна быть, конечно, первоклассная литература. Далее, фрагмент должен максимально выразительно соответствовать задаче моделирования определенных психологических явлений.

Затем следует решить: это должно быть хорошо известное ученикам (студентам) произведение или что-то для них совершенно новое, но яркое, выразительное.

Использование хорошо известных молодым людям произведений имеет одно неоспоримое преимущество: знакомые со школьной скамьи литературные герои и ситуации вдруг поворачиваются своими неожиданными гранями.

Выбор литературных текстов зависит, конечно, от эрудиции и художественного вкуса, литературно-эстетических пристрастий преподавателя или автора психологического текста. В. Зинченко, например, особенно охотно цитирует О. Мандельштама, Гете, Шекспира и других замечательных поэтов.

Говоря о выборе литературных произведений еще совсем недавно, в документальную эпоху можно было смело рекомендовать русскую классику, включенную в школьные программы. Сегодня дело обстоит не так просто... Но для тех, кому интересна работа с психотерапевтическими ожиданиями, напомню: литературный текст – это надежда юношей и девушек получить в процессе ознакомления с психологией ответы на вопросы, которые до этого они не знали, кому задать.

⁷² Нечкина М. В. Функции художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 34.

⁷³ Там же. С. 29.

В разных юношеских аудиториях я просил педагогов распространить среди старшеклассников нечто вроде анкеты с такими вопросами: «Если бы к нам пришел профессор психологии, я бы у него спросил...». Дальше оставлялось место для трех вопросов. Был и отдельный листок с текстом: «Когда мне бывает трудно, я поступаю так». Пока речь о первом вопросе. Запомнилась встреча с ребятами, которые отдыхали в нашем белорусском «Артеке» – Национальном детском образовательно-оздоровительном центре «Зубренок» – так он у нас сложно называется. Педагоги – отрядные вожатые по моей просьбе раздали ребятам-старшеклассникам листки с вопросами, потом я приехал в «Зубренок», и мы собрались в большом актовом зале.

Вопросов к предполагаемому профессору психологии было много. Это и о взаимоотношениях с родителями, и о том, как узнать, нравишься ли ты мальчику (девочке) и о том, почему учителя иногда кричат на детей, и почему люди разные, и т. д. Вот при ответе на вопрос об индивидуально-психологических различиях между людьми я, конечно, заговорил о темпераменте. И здесь грех было не использовать образы литературных героев из произведений, которые, как я был уверен, хорошо известны старшеклассникам. Когда очередь дошла до меланхоликов, я процитировал следующие стихи из «Евгения Онегина», в которых описывается Татьяна Ларина:

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой...
Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.

«Как вы думаете, – спросил я, надеясь на то, что поднимется лес рук, – какой темперамент описывает А. С. Пушкин?» Полная тишина была мне ответом. Более того, подростки признались, что не знают, кто это – Татьяна Ларина. Когда я потом сказал, что на базе меланхолического темперамента может сформироваться сильный характер, и в доказательство привел сцену, которая начинается словами: «Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит?» – и дальше:

«Я вас люблю, к чему лукавить. Но я другому отдана и буду век ему верна». Здесь, правда, последовала реплика одной девятиклассницы: «Ну и дура...»

Почти такая же реакция незнания, о ком идет речь, последовала на мой рассказ о Пьере Безухове. На его примере я показал, что флегматика опасно выводить из себя...

Все это навело на меня грустные раздумья о литературно-художественном образовании наших юношей и девушек...

Кстати, о темпераментах. Я сказал детям, что в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя – полная галерея всех типов темперамента. Не могу удержаться, чтобы не привести стихи о темпераментах, автор которых мне неизвестен.

О, друзья мои, взгляните!
Их немного среди нас.
Сами для себя решите,
В чем отличие их от вас.
Очень вдумчив и тревожен,
Неспокоен этот тип.
О, какой он осторожный,
Замечает каждый скрип!
Даже долго не общаясь,
Не теряет свое «Я».
О, друзья мои, я каюсь –
Душит зависть здесь меня!
Сдержанный, пессимистичный,
Ты, как скала, высок и стоек.
Ты чаще в обществе молчишь,
Но в спорах доводы чужие
В один момент ты отразишь.
Умен, талантлив, остроумен –
Вот твой портрет, но не забудь,
Что от трудов твоих тяжелых
Немножко надо отдохнуть.
Ты аккуратен и воспитан,
Коль нужно, дельный дашь совет.
Ты много знаешь и начитан,
Других таких на свете нет!

ОТ МЕЛАНХОЛИКА ФЛЕГМАТИКАМ

Здравствуй, друг ты мой флегматик!
Что невесел ты опять?
Ведь сегодня математик
Только две, никак не пять.
Вдумчив, тих, всегда спокоен,
Ты вступаешь в жизнь свою.
Мне б хотя бы ненадолго
Всю уверенность твою.
Пацифизм, миролюбивость
Разделяю даже я,
Но тревожность, суетливость
Давят вечно на меня.
Ты ж направленно и ровно
Размеряешь жизни путь.
Цель близка, ты к ней пробьешься.
Потерпи еще чуть-чуть.

САНГВИНИКАМ

Разговорчивым, открытым
Быть сангвиникам дано.
Принимать легко, без страха
Жизни горькое вино.
А когда беда настигнет,
Друг надежный рядом встанет.
Просветлеет все вокруг.
И беда уже забыта,
И душа всегда открыта,
Только был бы рядом друг.
Пусть всегда инициатива
Вас ведет по жизни этой.
С вами нам теплей, счастливей,
С вами очень много света!

ХОЛЕРИКАМ

Встретишь много оптимистов
Ты на жизненном пути,
Но активней и игривей,
Чем холерик, не найти.

Пусть обида, беспокойность
С ними рядом навсегда.
Пусть сменяет настроенье
Часто радость и беда.
Все же ваша энергичность
Путь укажет в жизни вам,
Не рассадит по углам,
А заставит жить в движенье,
Никогда не подведет,
Пусть с умом,
хотя в смятенье,
Вас по жизни поведет.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ